

Винник Павел Борисович

От роты осталось девятнадцать человек

Родился я 22 сентября 1925 года. Русский. Бывший член КПСС, член Союза кинематографии Российской Федерации, комиссии ветеранов кино и войны, председатель военно-шефской комиссии.

Братьев и сестер у меня не было. Учился я в Одессе. На постоянное проживание мы приехали туда в 1932 году, хотя вся моя родня из города Винницы, на Украине. У моей мамы семья была очень большая: две сестры и пять братьев. У отца семья была поменьше. А поскольку время тяжелое было, отдавали в учебу кого куда. Одного - в сапожники, другого – по хозяйственной части, третьего – строителем, а маму мою отдали в портняжную мастерскую. И работала она потом по специальности в Одесском Оперном театре. Иногда она брала меня с собой. Мама занималась своей работой, а я сидел тихонько за кулисами и смотрел, как актеры репетируют. Меня всего трясло от возбуждения. Вот тогда-то я и полюбил театр, что впоследствии очень сильно повлияло на мою судьбу. А потом мама вышла замуж за отца.

Отец тогда скитался. И вот почему. Он учился в МВТУ им. Баумана (тогда оно еще так не называлось). И вот на похоронах Николая Эрнестовича друзья предложили моему отцу читать «А вы, надменные потомки...» - вторую часть лермон-

товского стихотворения «На смерть поэта». Отца вызвали на ковер и сказали: «Если это стихотворение будет прочитано над гробом, ты тут же будешь отчислен и в 24 часа выдворен из Москвы». Но отец все же читал. А там, куда вызывали отца, как известно, слов на ветер не бросают. И вот он скитался. Маме было 16 лет, она была очень красивая, отец был старше. Все были против их брака. Бродяга, он нигде не работал. Но они любили очень друг друга, так и прошли всю жизнь вместе.

В Одессе мы жили в коммунальной квартире, в двух комнатах. Отец работал инженером-мостовиком, ездил представителем легкой промышленности на Дальний Восток, а мама, как я уже сказал, работала в Одесском Оперном театре. Вот я ходил туда, учился. А как началась война, отец ушёл в сапёрный батальон. И вот 13 сентября мы получили «похоронку». Погиб отец в районе Тирасполя. А мама у меня умерла в 1982 году.

А квартира та у нас так и не сохранилась. Когда немцы захватили Одессу, я ушёл с истребительным батальоном, а мама уехала к сестрам в Винницу. А когда после войны вернулась, ее даже в квартиру не пускали. В дом попала бомба, но одна организация все отремонтировала и себе забрала. А мама ходила по райисполкомам, просила хоть комнату, говоря: «У меня же сын воюет!» Ну, и дала «похоронку» как документ. И документы пропали, и «похоронка» пропала. И все. И только когда я демобилизовался, нам выделили жилплощадь.

Война застала меня, когда я только перешёл в 9-й класс. Тогда среди жителей города были организованы такие истребительные батальоны. Они боролись с пожарами. Когда началась бомбардировка города немцами, эти люди стояли на крышах. А ведь не всякий мог решиться. И фашисты сбрасывали с самолётов такие зажигалки. Зажигалка падала на крышу, взрывалась, и дом загорался. И вот нужно было схватить эту бомбу щипцами и сбросить вниз, в песок. А там уже люди их гасили. Это и были истребительные батальоны. Они и шпионов ловили. Это были люди в штатском, не военные. И вот я с этим истребительным батальоном отступал до Моздока. Под Моздоком в 1942 году всех нас стали призывать в армию. А мне же лет не хватает. Ну, мне ребята в метрике приписали два года...

Сначала около двух недель были в учебном батальоне, учили там строевой, владеть винтовкой. А потом, поскольку

наступление было очень сильное и народу не хватало (тогда еще рванул 2-й Украинский фронт), я сразу попал в действующую армию.

Я надел гимнастерку, ботсы такие американские мне выдали (сапоги ведь не всем доставались), обмотки, и я пошёл. А я же городской парень, много ли я могу пройти? 30 км я отмахал, сел, снял ботинки, посмотрел на то, что в них... это были не ноги, это были сплошные волдыри. Я натер себе ноги так, что какое там дальше идти! У меня дружок был, сибиряк, Валька, он побежал за санинструктором. Тот пришёл, говорит: «А ну-ка давай котелок воды». Обмыл мне ноги, достал бритву, надрезал все это, выдавил, смазал хорошей мазью, которой раны залечивали, и говорит: «Ничего, до свадьбы заживет!». А потом на меня смотрит и говорит: «А я знаю, почему ты грустный. Жить хочешь? Совет дать?» Я говорю: «Дайте». «Ну, вот тебе сейчас хорошо?» Я говорю: «Хорошо». «Вот и живи минутой. Не загадывай. Зачем загадывать? Потеряешь элементарное внимание. А так – живи вот сейчас, сегодня». Я это пронес через всю жизнь. До сих пор, когда трудно бывает, а с годами очень даже трудно бывает, я себя ловлю на том, что сейчас же хорошо, вот так и живу.

Попал я в 5-ю ударную армию, командовал которой Берзарин, в 1374-й полк, в 416-ю стрелковую азербайджанскую дивизию. Я с этой дивизией до Берлина дошёл. Участвовал в боях на 1-м и 3-м Украинских, на 1-м Белорусском фронтах. А почему армия называется ударной? Не гвардейская, а ударная? Потому что в трудных ситуациях, скажем, при форсировании Днепра или при переходе через какие-то завалы, через большие оборонительные порядки немцев, туда бросали сначала ударную армию, а потом уже идет весь фронт.

Все было. И я так скажу: это не моя заслуга и не моя смелость, что я жив остался. Это внимание старших товарищей, это они меня, мальчишку, оберегали. Например, налет совершила авиация немцев, артиллеристским снарядом или миной порвало связь - надо идти соединять. Моя очередь. А они мне говорят: «А ну-ка сиди! Вася, давай!» А Вася может не вернуться. А Вася ногу может оторвать. Они меня берегли. Вот кому я обязан. Я никогда не забуду, как я участвовал в очень тяжелых боях. Была такая знаменитая яско-кишиневская группировка противника, когда мы шли на Молдавию, на Ру-

мынию. Там 2-й и 3-й Украинские фронты окружили и разгромили основные силы немецкой группы армий «Южная Украина». Я на всю жизнь запомнил один страшный случай. У немцев были так называемые огнеметы. Это ужасная вещь. У меня был друг, командир взвода Вася Щельков... Я иногда ночью просыпаюсь, слышу этот визг... Один фашист из огнемета его обдал, он загорелся. Мы его забросали шинелями, тряпками, всем что было, и не могли его затушить. Так погиб человек. Были очень страшные бои, у нас от роты (а рота – это обычно до 100 человек) осталось 19 человек. Представляете, что это были за бои? А потом пришёл командир батальона, сказал нам, выжившим: «Ну, так: старики – в хозчасть, а молодые (нас четверо было) – в роту автоматчиков. Тогда не все имели автомат, тогда винтовочки были. А рота автоматчиков была в полку как рота, несущая охрану полка, охрану боевых порядков, и вот я туда пошёл.

Километров семьдесят мы не дошли до Бухареста. Нашу часть сняли, погрузили на поезд-товарняк, привезли под Ковель, и там началось формирование войск для освобождения Варшавы. На Варшаву наступление было с двух сильных плацдармов: Радомский и Сандомесский. Мы были на радомском. Зима, холод. Но никаких костров, никаких фонарей, так как наступление готовилось в глубокой тайне. У нас на шесть человек три шинели, ботинки снимали, чтобы не мерзли ноги, тремя шинелями и плащ-палаткой сверху накрывались. Поворачиваемся с боку на бок вместе, курим по очереди. Вот с этого радомского плацдарма мы и пошли в наступление. Бои были очень страшные за Варшаву. Немцы одного не рассчитали: наши основные части прорвались в Варшаву по Висле, по льду.

При освобождении Варшавы нас, пехоту, посадили на танки, чтобы провезти через минные поля. Там у немцев была очень сильная оборона. Тремя эшелонами шли. Я был во втором эшелоне. Первый почти весь попал под плотный огонь немцев, их как ветром сдуло. Их было жалко... А мы попали в зону контузии, я только свист снаряда помню, больше ничего. А тогда, так как шло наступление, не отправляли сразу в госпиталь, а сначала в медсанбат. Вот идет наступление, а тебя за войсками перевозят. А ребята из нашей части, которые приехали за хлебом, в палатке нашли меня, выкрали оттуда, на по-

возку положили и в часть увезли. В то время потерять свою часть было то же самое, что потерять жизнь. А я не слышу, не вижу, у меня была очень тяжелая контузия. Меня где-то месяца полтора они выхаживали, пока я не пришёл в себя. Это опять заслуга моих старших товарищей.

Участвовал я в штурме Берлина. Там уже было легче, хотя жить очень хотелось. Вот представляете, 70 км до Берлина. Но ведь это еще одна атака, это еще один риск... По-разному пишут, но вот сидят солдаты в окопе, всем по 100 граммов дают боевых, и раздается команда «вперед!». И ведь каждый выпрыгивает из окопа по-своему, жить-то всем хочется. А надо так: выпрыгнул, десять шагов пробежал, упал и отползи, и потом дальше короткими перебежками. И опять я судьбе благодарен. За каких-то пять-десять минут до команды «вперед!» сзади нас зажглись прожекторы. Немцев ослепило, они ничего не видели, и это нам спасло жизнь. Это придумал Жуков, который командовал 1-м Белорусским фронтом. Я это на всю жизнь запомнил. Когда он был развенчан, я этого не мог простить. Жуков - это как Суворов. Вот не было бы Жукова, может быть, и войну не выиграли бы. Он был гениальнейший человек, причем он никогда не боялся, по передовой везде ходил. Приходил в часть, когда шло наступление. Он ничего не скрывал, был суров. Мог табуреткой дать по голове командиру за дело. При этом был справедлив.

Но сначала был Кюстрен. Это была крепость примерно в 100–120 км от Берлина. Они там закрылись, и никак их не возьмешь. А им Гитлер обещает, что их освободят, что к ним пришлют части. Им с самолёта бросали продукты. Раз упал мешок, мы открыли, а там кресты, награды. На нашу сторону упали. Мы их очень крепко окружили, и вот однажды ночью тревога. Они прорвались, вышли из крепости, они бежали, перепрыгивали наши окопы, мы стреляли, как могли, а утром посмотрели... С вечера все вокруг было бело от снега. А теперь утром была сплошная зелень, сплошь трупы в зеленых шинелях. Все поле было ими усеяно. Это потом уже, когда мы рванули, входили в Берлин, они сдавались и кричали: «Гитлер капут! Нихт шиссен! Не стреляйте!».

Там они поняли, что им не удастся победить, ведь уже бои в Берлине идут. Атакуют сразу 6 фронтов. Стоял такой вой! Какая трудность в Берлине была? Прямые улицы. И, как пра-

вило, у них первый этаж и полуподвал облицованы гранитом. Вся улица насквозь простреливалась. Танки в город никак нельзя было пускать. Любая горящая бутылка, и танк загорается. Пехота должна была брать. А как брать? У нас хороший был командир роты автоматчиков Солкин (он потом дослужился до капитана). Он нас собрал в кучу: «Ну, ребята, давайте решать задание малой кровью. Как наступать?» А нам поручили прорвать оборону противника, провести через эту улицу войска. И тут мне помогло то, что я парень городской. Я ему говорю: «Товарищ командир, вот у нас в городе есть в квартирах черный ход и парадный ход. Можно в черный зайти, пройти в квартиру, а выйти на другой стороне. И так на каждом этаже». Он говорит: «Бери двух ребят, сходи, проверьте». И мы пошли не улицей, а этими домами. И как я точно угадал. Оказывается, даже немецкое командование отдало приказ населению сидеть в подвалах, а квартиры оставить открытыми. И мы, так переходя из дома в дом, добрались до поперечной улицы, откуда немцы простреливали улицу. Мы сверху посмотрели, а у них во дворе и походная кухня, и палатки, и снаряды. Я тут же, чтобы ребят провести, решаю послать гонца к командиру. Одного пошлю, а если его убьют? И остался я один. Буквально 40 минут прошло, и вся наша рота автоматчиков (даже еще разведчики с нами шли), прошла туда, на третий этаж опустилась. Были тогда гранаты разрывные и были противотанковые. На нее, если надеть панцирь, она страшнее разрывной будет. Мы забросали гранатами немцев. Началась среди них такая паника! В результате наши части прорвались, и мы дошли до самого центра - улицы Ундерденлинден. Это было 2 мая.

А потом, спустя почти неделю, сказали: «Стоп! Прекратить огонь!» Мы высунулись на улицу, а там стоял жуткий вой, все было в огне, и вдруг – тишина. Все слушают, и вот сообщают: «Война окончена! Немцы капитулировали!» Что тут началось! У кого что было, как начали палить в воздух! Из автоматов, из винтовок, из пистолетов...

У меня есть очень дорогие мне медали: «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу...»

Были у меня и ордена. Мой первый орден, который считаю самым дорогим, это орден Красной Звезды. Тогда немец пустил знаменитые свои танки - «тигры», а у нас из-за плохой по-

годы техника отстала. Они нас расстреливали, как хотели. И вот смотрю, вдруг бричка с командиром полка (у нас был полковник Калашников) понеслась, там рвануло, лошадей не убило, но бричку перевернуло. Ребята его вытащили и за насыпь железнодорожную перенесли. А мы еще прикрывали отступление. И вдруг я вижу в районе, где перевернулась бричка, лежит ящик из-под патронов. Открыл я его, а там полковое знамя! Я его за ватник, за гимнастерку спрятал. Там насыпь была железнодорожная. Танки немецкие на эту сторону перейдут, а мы на другую перебежим; они пройдут на ту сторону, а мы на эту, и в лес. Я прихожу в лес, а там часть разбита, разрознена, сидят все мрачные. И вдруг я вынимаю знамя... А тогда, если часть теряла знамя, ее расформировывали. И вот за это мне и выдали первый орден – орден Красной Звезды.

Потом я получил за Берлин медаль «Отечественной войны 2-й степени», но тот орден - самый дорогой. У меня даже есть фотография, где мы в Берлине с фаустпатронами наперевес стоим. Фаустпатрон действовал примерно так: такую как бы двуконусную бомбу накручивали на полую трубку (трубка метра полтора), подмышку брали и ставили дистанцию полета этой мины или бомбы. Если она падала на танк, то могла прожечь любую броню, танк загорался и взрывался. Но этого секрета, как пользоваться фаустпатронами, никто не знал. Когда видели, как в поле они валялись, мы за сто метров их обходили, пока власовцы, которые тоже отступали, не выбросили белый флаг и не сказали: «Сохраните нам жизнь, и мы откроем секрет фаустпатронов». И вот в каждую часть их по два человека приводили, и они нас обучали, как надо этими фаустпатронами воевать. У меня сохранилась фотография, как мы то ли 8, то ли 9 мая стоим у Бранденбургских ворот с фаустпатронами на плечах. Потом все это отобрали, конечно. И нас оставили в гарнизоне Берлина. Жили мы сначала в центре города, там есть знаменитый Трептов-парк, где стоит монумент советскому солдату. Около него были Трептов-казармы, где наша часть стояла. Был очень строгий режим оккупации, никаких связей с населением. А ребята хотели подружиться с девушками, поэтому нас вывели за 30 км от Берлина, в город Сосер, там потом был штаб наших войск до их вывода с территории Германии. Из Сосера мы выезжали на дежурство в Берлин, один батальон - одну неделю, другой – другую. И там был

очень важный для нас Тринадцатый караул. Это была спирт-база. Туда свозили спирт со всего Берлина, а город тогда уже был поделен на части. Для французов, для англичан, для нас... и вот со всех сторон спирт свозили, и мы канистрами в часть несли. Кого только у нас не бывало! Летчики, бывало, зайдут и сразу: «Ребята, дайте хоть немножко спирта». Ну, давали, конечно. Так и жил я там. Закончил я войну в звании старшего сержанта.

Когда началась вторая демобилизация, меня вызвали, говорят: «Давай в военное училище. Хочешь, в артиллерийское». Я говорю: «Да я актером хочу быть!». «Ну, смотри». И то, что у меня было написано «годен к нестроевой», меня спасло. По возрасту я еще должен был служить. Я демобилизовался. Приехал, а мама живет в каком-то чулане, никуда ее не пускают. Мы скитались по углам, пока я не взял адвоката. А адвокат мне говорит: «А ну-ка, есть деньги? Телеграмму Ворошилову послать надо немедленно». И буквально через двое суток пришла телеграмма от Ворошилова горпрокурору и прокурору военному: «В 24 часа освободить площадь демобилизованному».

У меня ведь тогда среднего образования не было. Я пошел на курсы, чтобы получить аттестат. И как только я его получил, то поехал в Москву поступать, потому, что я хотел получить русскую школу. Я на фронте читал много книг о театре, о кино. Тогда надо было иметь свои идеалы. Я помню, была такая «библиотека красноармейца», и там были выдержки из произведений Горького, Чехова и т.д. И вот в одной из таких книг я прочитал горьковский отрывок, в котором было написано: «Я иду в жизнь, чтобы сгореть и как можно глубже осветить тьму жизни». Вот мой идеал, я его нес по жизни. Когда пришел поступать, сразу хотел в училище Малого театра - Щепкинское. А мне ребята говорят, чтобы я поступал во все: и в МХАТовское, и в ГИТИС, и в Вахтанговское, потому что везде по-разному отбирают. Может, ты и хороший, а им не нравится. Может, там другой состав, и год потеряешь. Я снял копию аттестата и поступал.

Я никогда не забуду, когда я поступал во МХАТовскую студию, в приемной комиссии сидели Грибов и Тарасова – большие мастера. И спрашивали обычно: «А зачем вы идете в театр?» Ну, каждый по-своему отвечает: «Я люблю театр».

Или: «А я хочу быть актером». Но я же фронтовик. Мне же надо было ответить! Я возьми и скажи: «Чтобы сгореть!» И до сих пор я вспоминаю лукавый прищур глаз Грибова и его слова: «Ишь ты! Это потому что рыжий, поэтому сгореть хочешь? Героев хочешь играть? А можешь ли?! Вон, посмотри, твой товарищ - стройный, красивый, глаза у него яркие, голос звонкий (был такой Лева Поляков). Вот ему героев играть. Ему зритель поверит, полюбит. А ты глянь на себя в зеркало, кого тебе играть? (А я тогда был тощий, рыжий.) Жуликов и будешь играть». Дальновиден был Алексей Николаевич. Сколько я их переиграл!

Но больше всего меня все-таки тянуло в студию Малого театра. Курс набирал высочайшего мастерства актер Зубов. Я пришёл в приемную комиссию. Зубов сидит, Пашенная; а там надо было басню прочитать, стихотворение и прозу. У меня басня была «Троеженец». А у каждого третьего басня «Квартет». У комиссии уже лица вытянулись от этих «Квартетов». Вдруг подумал: дай я созорую! Вхожу, меня спрашивают: «Ну, молодой человек, что читаете?» «Квартет!» И стал басню читать от лица обезьяны. Хохот поднялся! Зубов говорит: «Иди-иди, ты принят! Сдай общеобразовательные». Казалось бы, все. А вот судьба: директриса училища говорит: «У меня нет мест в общежитии». А мне жить негде. Я, когда поступал, с милиционерами в метро в дежурках спал. Они меня принимали за своего – фронтовик же. Нет мест, что делать? Тогда меня спасла подсказка наших ребят – везде поступай. Было такое Московское городское театральное училище при МХАТе, вторая студия. Я рассказал, что со мной произошло, а там был чудесный руководитель – Готовцев Евгений Васильевич, народный артист. Он снял пенсне, спросил: «Скажите, а вы на диване будите ночевать?» Я говорю: «Да хоть на полу!» Вот так я в 1946 году поступил.

Иду я, довольный! Маме письмо послал, что я принят, хорошие ребята, курс хороший, встречаю на улице Горького Пашу Луспекаева, я с ним поступал в Малый. Он говорит: «Слушай, ты чего на занятия не приходишь? Зубов все спрашивает, где тот мальчик рыженький? Я пошёл туда, меня привели к нему в кабинет. Он говорит: «Ну, беглец, ты чего?» Я ему стал рассказывать, извиняться, что так получилось. Он слушал-слушал и говорит: «А что это ты извиняешься? Ты ка-

кую профессию выбрал? Ты знаешь, что такое актер? Ты знаешь, сколько неписанных законов? Их много. Я тебе два назову: первый – пожизненное испытание самолюбия. Вот ты выходишь на сцену, тебя разглядывают, тебя слушают, кому-то ты нравишься, кого-то ты раздражаешь. И второй закон – Господин великий случай. Хоть семи пядей во лбу будешь, а так и не сыграешь свою роль. А, может, и в театр не примут. Сможешь это пережить, иди, а не сможешь, бросай сразу, а то самым несчастным будешь». Я говорю: «Нет, ни за что не брошу!»».

Закончил я училище в 1951 году, потом был принят в Театр драмы, теперь это театр Маяковского. Проработал там до 1958 года, после чего, активно снимаясь в кино, перешёл в Театр киноактера, где работал с 1961 по 1992 год. Сейчас на пенсии.

Мне недавно предложили написать книгу о себе. Я хотел ее назвать «О своих любимых учителях». Но подумал: я неусидчивый человек, много мотаюсь. Актер должен быть актером, а писатель – писателем.

Вот сейчас везде пишут, что всякие там драки в армии бывают, дедовщина. Я хочу сказать, ничего этого у нас не было! Была такая спайка, такая семья! Если был сволочь командир, были и такие, что ж говорить-то? Мог положить весь полк, чтобы выполнить задание. Долго такой не жил. При ближайшей атаке как сзади по мозгам сыграют автоматом, и все понимали: надо беречь свои войска, беречь армию. Вот это и была собственно Победа, что люди, жертвуя собой, защищали грудью друг друга и свою Родину.

Май 2004 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Алексей Игоревич**, студент 1-го курса факультета системы управления, информатики и электроэнергетики Московского авиационного института (государственного технического университета).*